

РОДНЫЕ СТЕНЫ

Банально, известно, но ново, затерто, и тем не менее годы бегут. Бегут стремительно, безостановочно, до отчаяния невозвратно. И мы, люди кино, в работе, в суете, в повторяющихся привычных буднях не замечаем часов, дней, месяцев, лет и отсчитываем прожитую жизнь не годами, а свершившимися (или несвершившимися) сценариями, фильмами. Когда писал то-то — женился. Когда заканчивал то-то — получил квартиру. Когда не получилось то-то — стукнуло, скажем, пятьдесят. И еще отсчитываем годы детьми — они растут незаметно, но в какой-то момент мы вдруг обнаруживаем, что дети наши превзошли нас и по росту, и по уму в чем-то начинают обгонять, и уже совершенно не нуждаются в нашей скучной опеке.

Старуюсь вспомнить, пытаюсь до деталей восстановить то первое впечатление, которое произвел Виктор Трегубович на меня — тогда начинающего сценариста. Деталей не помню, но до сих пор сохранилось ощущение от резко открывшейся двери в редакторскую комнату, от мощной скорости грузного тела, от поразительной энергии, от беглого, но прелечтывающего взгляда, от мгновенной способности все увидеть, понять, по-своему оценить. Было это десять лет тому, Трегубович тогда относился к еще молодой, подающей надежды режиссуре — ему не было и сорока, но он уже был известен как режиссер всеми замеченной картины «На войне как на войне», так неожиданно и своеобразно рассказавшей о военных буднях. К стыду своему должен признаться, что лишь пару лет тому назад купил книгу Виктора Курочкина «На войне как на войне», и только тогда открыл для себя тончайшего и поистине мужественного автора, с улыбочкой оптимиста рассказавшего о драматических днях нашей Родины. И так получилось, что вскорости Центральное телевидение показало фильм Курочкина и Трегубовича, и я поразился тому редчайшему уважению к литературному первоисточнику, которое проявил режиссер при переносе повести на экран.

Фильм «На войне как на войне» как бы толкнул тележку и — покатило. Затем была «Даурия», после нее «Старые стены», «Обратная связь», «Доверие», «Уходи — уходи», «Трижды о любви», «Путешествие в другой город», наконец, недавняя «Магистраль», новаторская, публицистичная по духу картина, в которой Трегубович-гражданин и Трегубович-художник слитно и мощно высказался о том, что актуально для жизни страны.

...Возможно, я что-то пропустил, перечислил картины не в хроникальной последовательности — суть не в этом. Суть в том — а что же дальше? Ведь «тележка» не остановилась, она катится. Даже по приведенному списку видно, что сделано немало. Фильмы разные, фильмы неравноценные, о чем прекрасно знает режиссер, одни из них радуют, другие чем-то поражают. Но есть уважение коллег, пришла признательность зрителей, получено звание заслуженного деятеля искусств, присуждена Государственная премия РСФСР. Так что же дальше?

У Виктора Трегубовича есть любопытная фотография, на ней — сам режиссер, Лидия Федосеева и Василий Шукшин. Фотопроба к картине «Даурия». Фотография не случайная, не просто рабочий момент фильма. Шукшин и Трегубович были земляками, они дружили, они не теряли друг друга из виду.

У Трегубовича есть письмо Василия Макаровича, есть в них строки, близкие к исповеди, есть то истинное, что просто так людей не соединяет. Совестливость, честность, прямота, предельная принципиальность, доброта имеют в конечном счете у них одни корни. И корни эти так глубоко вошли в землю, что вряд ли какая-нибудь сила сможет вырвать их оттуда. Честность — до удивления, прямота — до неудобного, доброта — без предела. Но если уж отторжение — то напроцех. Но во всем, ко всем и прежде всего — требование делать по максимуму. По максимуму совести, человеческой сути.

Да, излишне резкий, да, чересчур категоричный, да, как говорится, «незапрограммированный» — такое впечатление может произвести Трегубович при знакомстве. Но лишь на тех, кто сталкивается с ним случайно, по «касающейся» линии, кто рассчитывает на короткий, часто потребительский контакт. Надо знать его в работе, надо видеть в спорах, где должна выиграть только правда, надо испытать в решении принципиальнейших вопросов. Это касается объединения, в котором он работает, это касается молодых, которые приходят на «Ленфильм», это касается лично его самого, мучающегося, сомневающегося, ищущего, отвергающего и в результате утверждающего.

Все-таки завидное качество — постоянство. Постоянство во вкусах, в привязанностях, в друзьях, в соратниках по работе. Кино, к сожалению, штука не постоянная, здесь, как нигде, легко и быстро меняются критерии популярного, суть успеха, новаций поиска, мгновенно устаревает то, что вчера было молодым, и омолаживается то, что позавчера считалось архаичной, ошеломляет то, что некогда было неизвестно, и порой забывается то, что мнилось незбылемым. Таково искусство кино! И суметь сохранить в этом калейдоскопе свое лицо, свои симпатии и привязанности — дело не только сложное, но и требующее определенного мужества. А умение выстоять, не поддаться соблазнительной мелтешне — рано или поздно принесет свои плоды. Появятся в результате позиция, своя точка зрения, свое мироощущение, появится право быть собой. То есть личностью — неповторимой, серьезной.

Когда-то он смело пригласил на роль директора фабрики в «Старых стенах» актрису «из иного ампула», Людмилу Гурченко — совершенно был неожиданным выбор, оказавшийся счастливым и для режиссера, и для актрисы — Государственная премия РСФСР. С тех пор практически в каждом фильме его — Гурченко. В каждой картине он предусматривает роль для Кирилла Лаврова, и, конечно же, — еще с «На войне как на войне» — из фильма в фильм шагает Федор Иванович Одиноков, актер колоритный и самобытный, счастливый знак каждой работы, верный друг, чей дом в Москве — второй дом Трегубовича, и режиссер, приезжая в столицу, никогда не изменяет своему правилу останавливаться только здесь.

Конечно, сохранить верность актерскому составу проще, легче, чем, скажем, сценаристам. Это в определенной мере можно понять, так как один и тот же жанр, одна и та же авторская манера, как правило, в итоге и надоедают, и притупляют, и скучивают, и рано или поздно порождают своеобразный протест, выражающийся в «измене» режиссера своему автору. Да и к тому же начи-

нает скисать ансамбль исполнителей. И полезно, и интересно из лирической истории метнуться, скажем, в комедию, от автора, любящего мягкую манеру письма, перейти к автору, предпочитающему более резкие краски, более жесткий сюжет. В этом смысле работа режиссера в театре — отличный пример широкого диапазона интересов.

У Виктора Трегубовича тоже есть «свой» автор. С Анатолием Гребневым он делает уже третью работу. Никакое сотрудничество не дает гарантий от неудач или же более слабых работ, чем того хотелось. И все же сценарист и режиссер нашли друг друга, они не делают скоропалительных выводов из случившихся — работа есть работа — неудач, они образовали союз, сотрудничество, они нужны друг другу. Их не заел снобизм, их не коснулась болезнь собственного величия, собственно превосходства, что нередко бывает в нашей практике и из-за чего счастливые союзы часто распадаются, не выдерживают испытания временем.

Виктор Трегубович наделен литературным даром, и он подчас пользуется им — пишет сценарии по мотивам литературных произведений. Но не думаю, что это может стать для него делом постоянным. Конечно, соединение в одних руках и сценарной, и режиссерской профессии — дело в чем-то соблазнительное и завлекающее, но это как тот светлячок, который манит и манит в ночи, все завлекает и завлекает в чащобу, а обратного пути нет. И мой друг, Виктор Иванович Трегубович, не может этого не знать. Конечно, знает!

Так что же дальше?

Я люблю слушать поразительные, полные непрдуманных деталей и подробностей, пронизанные юмором рассказы Виктора Ивановича о себе, о земляках, о том, что давно прошло, но постоянно остается при нас — о детстве и юности. У него крепкая крестьянская закуска, у него руки сильные и хваткие, как у хорошего хлебороба, у него есть земля, которая далеко, но она все равно питает, все равно дает силы, зовет, заставляет волноваться, размышлять. Его родной Боготол в Красноярском крае, его земляки, которые внимательно следят за ним, знают его, любят, гордятся. Все это, конечно, рождает особое чувство ответственности, заставляет останавливаться и оглянуться — а все ли хорошо у меня там, позани. Нет ли смысла от чего-то отказать, в чем-то уточнить себя, на что-то новое, более важное для сегодняшнего дня настроиться. Не знаю, по интуиции ли, сознательно ли, но Виктор Трегубович в год по несколько раз летает в свой неблизкий край. Ему важно увидеть свои края, увидеть людей, которые вошли — отнюдь не для красного слова говорю — в его жизнь навсегда, ему важно прийти к своей маме, важно хотя бы просто посидеть на своей теплой, такой родной и дающей силы земле. Он не может без этого жить.

Что дальше?

Дальше, конечно, работа. Что мы есть без работы? Дальше — поиск, сомнения, мучения и, верю, победы. Дальше — глаза наших взрослых, умнеющих детей: ведь мы даже не подозреваем, как много они знают, как много понимают, как точно и быстро все улавливают. Глаза их внимательны и беспощадны, как совесть. А годы, как это ни банально, летят...

Виктор МЕРЕЖКО,
драматург.

Соб. мультура, 1984, 10 экз.

52